

Иван Паластров

*Когда-то в
той жизни*

Иван Семенович Паластров

Когда-то в той жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26535124

ISBN 9785448575853

Аннотация

– Пойдём, Шайтанка, посмотрим, кто там, может мишка в гости пожаловал, – позвал он собаку, на ходу заряжая ружье картечью. Собака кинулась впереди хозяина, звонко лая. Шайтан вышел на берег реки и увидел, что его лодку угоняет какой-то мужик. Собака бегала по косе и яростно лаяла, но достать вора она не могла. – Вуйя, зачем моя лодка крал? Убью, шайтан! – и вскинул ружье. Выстрелы прогремели одновременно, с Шайтана сорвало его старенькую шапку, которую он не снимал ни зимой, ни летом.

Содержание

Где-то, в той жизни	5
Сука	8
Стена	14
Настоящий	20
Утром Солдат не вернулся	23
Розовые куропатки	26
Два Шайтана	34
Полынья	39
Рыболовы	46
На воде следов нет	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Когда-то в той жизни

Иван Семенович Паластров

© Иван Семенович Паластров, 2017

ISBN 978-5-4485-7585-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где-то, в той жизни

Росомаха

Росомаха покинула свое логово под корнями вывороченного ветром дерева. В логове оставались щенки. Они ещё не могли сами добывать пищу и полностью зависели от матери. Росомаха охотилась только на своей территории, огромной по площади, на чужую территорию не заходила, но и свою оберегала от своих сородичей. Она не ела уже три дня и была голодна. Росомаха – выносливый, сильный и терпеливый зверь, она могла покрывать большие расстояния в поисках пищи. Переходя из одного распадка в другой, она обходила территорию, принимаясь к каждому следу на снегу, попадавшемуся на её пути. Неожиданно она наткнулась на цепочку следов, ведущих вглубь широкого распадка. Это были следы волка, сколько их было, определить было невозможно, волчья стая передвигалась след в след. Следы были свежие, запах, шедший от них, ещё не успел выветриться. Росомаха не боялась волков, она вообще не знала страха и продолжала свой неспешный бег по следам стаи. Она знала, что рано или поздно волчьи следы могут привести её к добыче, так как волки охотились стаями и могли завалить любого зверя. Вскоре попался ещё один след: это были большие и глубокие следы. Так широко мог шагать только один великан – лось. По распадку тек ручей, по берегам рос

кустарник тальника, любимой пищи зимой лосей, вот туда и вели свежие следы.

Росомаха часто останавливалась, всматриваясь в кустарник и деревья лиственниц, нюхая воздух. Ее острый слух уловил какой-то посторонний звук, не похожий на тихий шум леса. В воздухе появился еле уловимый запах крови и свежего мяса. Она крадучись осторожно пошла на этот звук и запах, который доносился все сильнее и сильнее. На небольшой поляне, у огромной лиственницы шёл пир: это волки рвали мясо лося. Они с рычанием отрывали куски и тут же, проглотив, рвали следующий. У лиственницы без движения лежало тело волка, недалеко был ещё одно – дорого достался волкам этот пир.

Росомаха осторожно подошла к труп лося. Волки недовольно оскалили клыки и зарычали, они не хотели делиться своей добычей, которая досталась им потерей вожака. Лось был хоть и старым, но не даром отдал свою жизнь, прихватив с собой двух матерых волков. Но росомаха, не обращая внимания на волков, ухватила и оторвала своими огромными клыками огромный кусок мяса. У неё были настолько сильные челюсти, что свободно могли перемолоть любую кость. Волки не хотели связываться с таким, хотя и не очень крупным, но свирепым противником, который мог легко перекусить лапу. У росомахи были не только ужасные челюсти,

но и огромные когти на её медвежьих лапах и длинный густой грубый мех, который невозможно прокусить. С росوماхой не связывался даже медведь. Волки стояли в стороне и ждали, когда насытится росوماха, которая на глазах становилась все толще и толще, но никак не могла остановиться. Она всё отрывала и отрывала куски мяса, пока не появилась отрыжка – обжора, наконец, насытилась. Ухватив большую кость, она потащила её в лес прятать, сюда она придет только через несколько дней, когда будет голодной. Спрятав кость в снегу она, косолапя, пошла обратно в свое логово, там её ждали щенки. Остатки туши лося, лежали не долго, волки, насытившись, тоже ушли, оставив остатки костей и мяса разной звериной мелкоте и птицам. Они обглодали все кости, которые тоже перемелет своими челюстями голодная росوماха. Она вернется, чтобы закончить это пиршество.

Сука

Тимка был молодой мужчина, жить бы ему в городе Магадане, работать, получать отпуск и греться на юге у тёплого моря. Но захотелось ему романтики, да не простой, как когда-то молодежь ехала на далекие сибирские стройки или поднимать целину в бескрайних степях Казахстана, а такой, чтобы пожить одному, где-нибудь на реке, подальше от цивилизации и испытать себя на прочность. Был он по образованию гидрологом и попросился у начальства на реку Большой Анюй. Туда в одинокий домик на самом берегу нужен был гидролог, чтобы изучать течение и всё остальное, что связано с этим делом. Прежний ушёл на пенсию. Начальство, конечно, обрадовалось, потому что жить там нужно постоянно и одному, а на это пойдет не каждый. Сборы были не долгими, всё, что нужно, упаковали и отправили самолётом вместе с Тимкой. Из районного аэропорта на точку к домику его забросили на вертолёте. Осмотревшись, Тимка остался доволен. Домик был добротно срублен из лиственницы с большими сенями. В углу стояла железная печка, аккуратно обложенная крупным галечником для тепла. Дальше были сделаны двухъярусные нары. По второй стене, где было единственное окно, стоял грубо сколоченный стол и такие же скамьи. Рядом с домом, ближе к берегу реки, была срублена небольшая банька, в которой можно было не только хорошо попа-

ряться, но и в каменке печь хлеб. Так же был выкопан погреб, в нём можно было на льду хранить летом свежее мясо и рыбу.

В тридцати километрах от домика находился прииск. Зимой рядом с домиком проходил зимник на отдалённый участок, где приисковые мыли золото. Работа была нетрудной, Тимоха раз в день садился в люльку, висевшую на тросу, натянутому с одного берега на другой, измерял скорость воды и по линейке определял количество, которое было разным, потому, как и погода тоже была разной, то дождь, то жара, остальное время ловил рыбу и ходил на охоту.

Приисковые часто ездили зимой на участок и иногда заезжали к Тимке, узнать как он и не нужно ли чего привезти. Так и в этот раз к нему заехал давний знакомый водитель, по фамилии Верболюз. Звали его Виктор. Он часто приезжал к Тимке весной на подлёдную рыбалку, а осенью на осеннюю.

– Здорово, Тимаха, как жив-здоров? – поздоровался он с хозяином домика.

– Привет, Витя, что, зимник обновляешь? Ты первый едешь после дорожников, они тоже заезжали, чаю попить.

– Да, я первый еду, сейчас часто машины будут ходить. Заказывай, что привезти?

– Да пока ничего не надо! Мясо и рыба есть в погребе. Хлеб сам пеку, вот попробуй, еще свежий. Запах какой!..

Слюни текут.

– Да, запах хороший, да и на вкус тоже. Где ты научился так печь? – спросил Виктор.

– Да кто научит? Росомаха что ли? Сам научился, сперва получался как глина, а сейчас вон какие буханки, лучше чем, у вас в пекарне получают, – у Тимохи было несколько форм для выпечки хлеба, которые он ставил на каменку. Хлеб он пек раз в неделю, когда топил баню.

– Тимоха, тебе бы собаку завести, всё не один бы был, хоть поговорить было бы с кем.

– Да где её хорошую-то возьмёшь? На прииске все дворняги, мне бы лайку сибирскую.

– Ладно, я привезу тебе собачку. Вот поеду в район за запчастями к бульдозерам, там у меня есть знакомый, у него как раз сука ощенилась, выпрошу.

– Хорошо бы, привезешь, буду должен, сам знаешь, за мной не заржавеет. – обрадовался Тимоха.

Через неделю, а может через две, к самому домику подъехал «Урал», из кабины вышел Верболоз и что-то нёс за пазухой.

– Ну, Тимоха, принимай нового жителя «водомутского» домика! Привез нового «водомута». Так называли этот домик работяги с прииска, а Тимоху – «Водомут». Виктор вытащил из-за пазухи за шиворот маленького щенка. Щенок был круглый и неуклюжий, он тут же сразу наделал на полу

лужу. Справив нужду, он деловито, как колобок, покатился по комнате, обнюхивая всё, что попадетя на пути. Тимоха с удивлением смотрел и никак не мог поверить, что «это» привезли ему. Потом он посмотрел на Виктора и спросил:

– Что хоть за порода, не дворняга, надеюсь? Маленькие они все круглые и забавные, вон и лужу уже наделал мне.

– Овчарка это, не было лайки у знакомого, но это тоже хорошая собака. Охранять тебя будет, – ответил Виктор.

– Да мне бы лайку, она для охоты хороша, а этот для охраны. От кого он охранять-то будет?

– Ну уж какой был... Тебе всё не так скучно будет. Вот и научишь его всяким собачьим премудростям, породистая собака-то.

– Ну, ладно, пусть живет. «Водомутом» звать буду, погреб охранять будет, а то ласка повадилась, рыбу ворует.

Шло время. Водомут вырос и оказалось, что это не он, а она, но кличка так и осталась прежней. Тимоха занимался своими делами. Водомут неотступно ходил за ним по пятам: на охоту – значит и он с ним. Тимоха полюбил собаку и уже не представлял себе жизнь без неё. Он разговаривал с ней, она слушала и, казалось, всё понимала, только говорить не могла. Тимоха стал замечать следы вокруг своего домика, следы не своей собаки.

– Интересное кино, это что за следы, уж не волчьи ли, –

подумал он вслух, – если волчьи, то почему молчит «Водомут» ... Он начал замечать, что Водомут стала вечером куда-то уходить и возвращалась только утром.

– Наверное дом сторожит от волка, – думал Тимоха, – но после очередного снегопада следы исчезли.

– Наверное Водомут отогнал волка, может был старым и стая выгнала его, вот и крутился тут, чтобы чем-то поживиться, – подумал он и успокоился.

Через пару месяцев, Тимоха стал замечать, что у Водомута стали округляться бока.

– Поправляться стала от хорошей жизни! Да, моя красавица, – любовно трепал он по загривку собаку. Было начало лета, однажды, после того, как собака куда-то пропала, Тимоха стал беспокоиться, не попала ли она куда в беду и решил поискать ее по берегам речки, но все тщетно. Водомут словно провалилась. Тимоха уже потерял всякую надежду, и очень горевал, но проснувшись как-то утром, он услышал какую-то возню в сених. Он осторожно открыл дверь и осмотрел сени, в самом углу, на старой куртке лежала Водомут и напряженно смотрела на хозяина. У неё под животом сосали соски четыре щенка. Щенки были ещё совсем малы и, наверное, еще слепые. Тимоха от неожиданности опешил – он никак не ожидал прибавки в семье. Тут его поразила мысль:

– Так вот куда отлучалась собака по ночам! И следы на снегу были волчьи. Они играли, у них была любовь. Ддааа,

дела.

У Водомута пришло время течки. В это время может где-то проходила стая волков, и один волк учуял это. Он не мог противиться зову самки и пошёл на запах. Они бегали и играли по ночам, у них была любовь, любовь собаки и волка – заклятых врагов. Когда всё закончилось, собака успокоилась и вернулась домой, они опять стали врагами. Волк пошёл своей дорогой по следам догонять ушедшую стаю.

Стена

На базе Петушки, что в самом устье Колымы, Литовченко загрузил свой «Урал» с прицепом бочками с машинным маслом. Бочки с маслом нужно было доставить на золотодобывающий прииск Стадухино, где он работал. До него было около четырехсот километров. Дорога была знакомой – сюда он приезжал уже не впервой. В прошлый рейс, когда он переезжал Колыму по торосистому льду, задние колеса «Урала» провалились в трещину, залитую водой. Литовченко как ни старался выбраться из трещины, ничего не получалось. Пришлось отцепить прицеп, но колеса всё равно буксовали. Тогда он не выключал передачу, чтобы мороз не прихватил льдом колеса, час, а может два, пока не подошла ещё одна машина.

– Что, друг, попал в трещину с водой? – спросил водитель подъехавшей машины.

– Сам видишь! Уже буксую тут больше часа. Боюсь вмёрзнуть. Давай, дёрни меня.

Тогда машину выдернули из трещины. Он зацепил прицеп и поехал дальше.

Сейчас Литовченко внимательно смотрел на лед зимника, чтобы опять не угодить в трещину. Благополучно переправившись на другой берег, он заехал на Зелёный мыс. За-

шёл в столовую. Хорошо поел, взял несколько котлет с собой в дорогу. Налил полный термос горячего чая, и отправился дальше. Зимник петлял между сопок, ныряя в лиственный лес, потом шёл тундрой с низкорослыми кустами карликовой березки. Тут паслись стайки куропаток, перебегая белыми комочками от одного куста к другому, склевывая почки. Впереди показался Мачвамский перевал, до которого ехать было ещё далеко, но он был настолько высок, что виден был за много километров. У подножия перевала стоял домик. В нём была комната отдыха для водителей. Обслуживалась эта маленькая гостиница семейной парой, которые жили в этом же доме. Литовченко к домику подъехал уже затемно, и решил отдохнуть несколько часов. Умывшись и поужинав, он лёг спать. Машин больше пока не было, и комната была пустой. Проснулся рано утром отдохнувшим, попил чая и вышел на улицу. Погода стояла ясная, в чёрном небе ярко горели звезды,

Мороз знатный, градусов сорок пять будет, – вслух подумал он и подошёл к своей машине. Водители не глушили двигатели зимой, потому что после их трудно завести на морозе, да и система охлаждения была заполнена водой. За работающими двигателями смотрел прогревальщик, который и жил в этом домике. Литовченко залез в кабину и, помахав прогревальщику рукой, поехал. Подъём на перевал начинался длинным, пологим тягуном, по которому машины без особого труда заезжали на самую макушку перева-

ла. С другой стороны спуск был террасами и тоже не сложный. Так, не спеша, потому что по зимнику груженым быстро не поедешь, это не по асфальту, Литовченко добрался до перекрестка зимников на Билибино, Весенний, Алискерово и Стадухино. До Билибина было несколько километров, где была большая гостиница для дальнобойщиков и хорошая столовая. Но он решил не заезжать, а ехать напрямую домой в Стадухино.

На повороте на Стадухино, до которого оставалось уже всего ничего, стояли два бульдозера дорожников с клином-волокушей. Литовченко остановился и вылез из кабины, обошел свою машину с прицепом, пнул ногой по баллонам и подошел к дорожникам, которые тоже стояли возле своих тракторов

– Здорово, мужики, что, дорогу утюжите? – спросил он.

– Да уж, работа у нас такая, знаешь ли, – весело ответил один из них.

– Как там перевал, не замело?

– Ну, когда как, сегодня вот в распадке буран. Везде тихо, а там как в трубе, не успеваем чистить. Вот и сейчас за тобой следом поедем, а то мало ли что.

– Да я груженный, тяжелый, наверное, проеду, – успокаивающе сказал Литовченко.

– Ладно, езжай, нам всё равно надо на перевал ехать, там у нас домик передвижной стоит.

Литовченко залез в кабину и тронулся в путь. Зимник шёл

по лесу. Было тихо, и в свете фар казалось, что это сказочный лес. Зимник повернул в длинный узкий распадок, лес заметно поредел. Вдруг свет фар уперся в белую стену, как будто кто-то специально выложил ее из снега. Стена было словно живой. Снег, подхваченный ветром, несло с такой скоростью, что, казалось, он никогда не упадет на землю. Литовченко с удивлением смотрел на эту приближающуюся стену летящего снега, и у него похолодело в животе. Он не мог понять, откуда это взялось, только что и намек не было на такой буран, а тут сплошная стена летящего снега. Машина, словно нож в мягкое масло, вошла в эту стену. Зимник просматривался только по высоким бортам снега, оставленным клином дорожников. Борта дороги заметало бураном на глазах. Утепленную войлоком кабину продувало, казалось, насквозь. Мелкие снежинки попадали во внутрь. Литовченко включил все мосты и пониженную передачу. Двигатель надрывно ревел, машина с трудом шла вперед, наконец забуксовала. Литовченко не знал, что делать и уповал на то, что сзади идут дорожники. Сколько прошло времени – казалось целая вечность... вот сзади появился свет фар. Дорожники чуть не наткнулись на прицеп, облепленный снегом – его не было заметно. Бульдозера объехали машину и потащили клин по зимнику впереди Литовченко. Наконец Литовченко вылез из снежного плена и поехал за дорожниками, с трудом различая впереди клин.

Прошел час, а может больше, и вдруг машина вышла из этой снежной стены. Буран закончился так же внезапно, как и начался, или остался позади. Свет фар опять выхватил сказочный вид деревьев. Дорожники остановились, чтобы пропустить машину вперед. Литовченко остановился и вылез из кабины.

– Что это было? Сколько ездю, такого не видел ни разу, – сказал он удивленно.

– Да мы и сами не знаем, откуда это берется... везде тихо и небо в звездах, а здесь такое начинается, словно черти с ведьмами шабаш устраивают. Правда редко такое бывает, пару раз за зиму.

– Ладно, мужики, счастливо вам тут оставаться, а я поеду, мне осталось немного. Часов через пять-шесть буду дома, – попрощался Литовченко с дорожниками.

– Тебе – не сломаться! А мы поедем обратно в начало, а то вдруг ещё машина пойдет. Да и закончится же этот буран когда-нибудь! Надо снег убирать с зимника. Нам сейчас не до отдыха.

Литовченко, махнув рукой, тронул свой «Урал». Сейчас он осилит очередной перевал, а там и до дома рукой подать. На перевал он заехал уже когда рассвело. Остановив машину, он вылез из кабины, обошёл её кругом, попинав баллоны. Посмотрел в долину, которую проезжал ночью. Там было всё спокойно, бурана как и не было. Литовченко с удивлением

подумал:

– Может там и не было этой чёртовой белой стены? Может мне это приснилось? Так вроде не спал.

Настоящий

Семёныч проснулся, немного полежал с закрытыми глазами, потом с хрустом потянулся и сел. В вагончике было прохладно. В сентябре на Чукотке ночи были уже холодные, и за ночь всё выстывало. Напротив зашевелился Грач, видно было, что он тоже проснулся, но не хотел первым вставать, чтобы разжечь огонь в небольшой железной печке.

– Ладно, не притворяйся... вижу, что не спишь. Сейчас затоплю печку. Омлет будем на завтрак делать, – толкнул Грача в бок Семёныч. Вагончик стоял на участке «Омчак», где звено бульдозеристов делали вскрышу торфов. Посёлок прииска был километрах в двадцати через перевал. Дороги ещё не было и приходилось по неделе работать и жить в вагончике в полевых условиях, за что прииск платил 50% от тарифа к основному заработку, деньги тоже не лишние. Их смена только началась. Семёныч растопил печку и поставил на неё чугунную сковородку. Пока она нагревалась, сделал болтушку из сухого молока и яичного порошка. Вскоре сковорода нагрелась, он бросил кусок сливочного масла, которое сердито зашипело и растеклось по сковороде, затем вылил туда болтушку. По вагончику поплыл вкусный запах омлета. Грач, не выдержав этого аппетитного запаха, скинул одеяло, быстро встал и оделся. Семёныч поставил эмалированный чайник на печку и сказал:

– Завтра твоя очередь вставать

– Договорились, – хмыкнул про себя Грач. Он знал, что этого не будет, Семёныч всегда встаёт раньше его. За окном послышался рокот подъехавших бульдозеров.

– Вот и наши со смены подъехали, как раз к завтраку, – сказал Семёныч. Дверь открылась и в домик вошли двое: это были напарники, которые работали на вскрыше торфов в ночную смену. Один из них «Солдат», друг Грача – они вместе колесили по приискам Колымы и Чукотки, всегда были вместе и работали на одном бульдозере. «Солдата» звали Лёха. Он всё время ходил в солдатской пилотке времен войны, поэтому его и прозвали Солдатом. Лёха был небольшим, жилистым, на спор мог согнуть в дугу тракторную монтировку.

– Грач, я сбегаю на фабрику, там, говорят, сигареты болгарские с фильтром закинули. Надо купить пару блоков, – сказал Солдат другу, открывая огромным ножом банку с тушенкой, – если что, прикроешь меня, я отработаю. Нож у Солдата был знатный – отковал его кузнец из шатунного болта, с ручкой из лосиного рога. С ножом он не расставался никогда.

– Иди, думаю, вернёшься к вечеру, чего тут идти-то – километров пятнадцать по руслу ручья, – ответил Грач другу. Солдат плотно позавтракал, выпил кружку крепкого, как чифирь, чая, засунул нож в ножны, встал и сказал:

– Я быстро, часов через семь-восемь вернусь, – и вышел

из вагончика.

Семёныч с Грачём сели за рычаги бульдозеров и поехали на полигон. Днём была их смена. Прошло восемь часов, Солдата не было, не было его и к началу его смены.

– Что-то нет Солдата, не случилось ли что, всё-таки тундровая тайга, мало ли что... – забеспокоился Грач о друге.

– К утру если не придёт, надо идти искать, – сказал Семёныч, – напиток он не мог, на фактории спиртного нет. он не мог, на фактории спиртного нет.

Утром Солдат не вернулся

– Пойду искать, – сказал Грач Семёнычу, – я поспал немного ночью в бульдозере, час чифирну и отправлюсь.

– Если к вечеру не придешь, я пойду в посёлок, пусть вертолётom ищут, – сказал Семёныч Грачу.

Грач взял ружьё, патронташ с патронами и вышел из домика. Шёл он по руслу ручья, по галечным косам, это был самый лучший путь до фактории. По тундре напрямки было ближе, но по мягкому мху и кочкам идти было труднее. Только в одном месте, где ручей делал большую петлю, идти пришлось напрямую через кусты и лиственничный лес. Грач увидел сперва пилотку, которая зацепилась за сук и висела. У Грача ёкнуло внутри: так просто Солдат пилотку не оставит, он никогда не снимал её с головы, только разве что спал без неё. Грач осторожно пошёл дальше, внимательно прислушиваясь ко всем шорохам. Из-за густых кустов не было видно ничего. Тут его тонкий слух уловил не то стон, не то слабый скрип дерева. Грач насторожился и стал внимательней прислушиваться, поворачивая голову по сторонам. Он пытался определить, откуда исходит этот странный звук. Наконец он понял, что это стон – стонал человек. Грач, сделав ещё несколько шагов в сторону стоны, увидел на небольшой поляне того, кто стонал. Это был его друг – Солдат. Он лежал возле дерева весь в крови, в порванной одежде. Рядом с ним

лежала с распоротым животом туша медведя. Грач подбежал к другу и начал его трясти, вытирая рукавом кровь с лица друга. Солдат пришёл в себя, но не мог понять, кто его трясёт – у него всё болело внутри и он не мог пошевелиться... наконец он узнал своего друга.

– Медведь, – прохрипел Солдат, – медведь напал на меня, даже не знаю, как ещё жив остался. Крепко он меня помял, наверное рёбра сломал, хорошо нож успел вытащить, а то бы хана.

Грач молча вытирал кровь, у него тряслись губы, он не мог сказать ничего, наконец выдавил из себя:

– Молчи, потом расскажешь. Идти можешь?

– Попробую, но вряд ли... в груди болит всё... помощь нужна... ты иди за помощью, я полежу здесь. Дождусь поди, закурить дай, сигареты-то я купил, это он меня на обратном пути подстерёг, – прохрипел Солдат.

Грач огляделся и увидел сетку с блоками сигарет, валявшуюся в нескольких метрах, дал сигарету другу.

Осмотрел тушу медведя. Медведь лежал горой, на одной лапе была затянута петля из тонкого, стального тросика.

– Понятно, чего он на тебя напал, безлапый он, видать в петлю попал, да ушёл вместе с колодой, которую потерял, – сказал он после осмотра медведя. – Тебя я не оставлю – на запах крови может зверёй прийти – россомаха или волки, они и тебя за одно разорвут, как конкурента. Если нужно – понесу на себе.

Грач помог подняться на ноги другу и они потихоньку пошли в сторону полигона. Через несколько часов они пришли к вагончику. Вся смена собралась и стали думать, что делать с раненым – нужно кому-то идти в поселок за помощью. Идти вызвался Семёныч, заодно и домой заглянуть, из всех он один был семейным. Но идти не пришлось – на макушке перевала, со стороны посёлка, показался вездеход и тут же скрылся в лиственничном лесу.

– Ну вот и идти не нужно, помощь уже идёт.

Вездеход, переехав ручей, остановился возле вагончика. Из кабины вылез начальник участка. Солдата отправили в поселковый медпункт, где его осмотрела врач, сшила и смазала царапины йодом, туго перевязала и сказала:

– Сломаны три ребра, ходишь с тугой повязкой, срastутся. Царапины глубокие, останутся шрамы, но они, как известно, украшают мужчину. Счастливый ты, Лёша, второй раз родился, долго жить будешь. Друг у тебя хороший, настоящий.

Розовые куропатки

Толян закинул за спину пустой рюкзак, на шею повесил ружьё и вышел из своего домика. Жил он в маленьком посёлке «Ангарка», в котором была гостиница для водителей дальнобойщиков, завозивших по зимнику груз на прииск с морпорта «Зелёный мыс», что в устье Колымы. Зимой работал кочегаром в небольшой котельной, летом занимался ремонтом и ловил рыбу в Большом Анюе впрок. Магазина в посёлке не было и всё, что было нужно, он покупал в приисковом магазине, добираясь до него на попутках, которые ходили часто. Не брал только хлеб, который пёк сам и считал, что его лепёшки вкуснее, чем хлеб на прииске. Мясо он тоже не покупал – ходил зимой на охоту на сохатого или дикого оленя. На лето солил или варил тушенку.

Толян вышел рано. На небе горели звёзды, и светила луна, освещая сопки и деревья – в жёлтом свете они казались таинственными. Он решил сходить за мясом сохатого. Он завалял его пару дней назад, мясо за раз унести не смог и половину затащил на лабаз, сделанный на скорую руку между трёх, рядом растущих, лиственниц. Одев подбитые мехом оленя широкие лыжи, Толян ходко пошёл по старой лыжне. От мороза изо рта валил пар, превращаясь в мельчайшие льдинки, намерзая на усах, бороде и бровях. Под лыжами поскри-

пывал снег. Когда он дошёл до места, стало светлее, начался рассвет, зимой он начинался поздно. На снегу он увидел свежие следы.

– Росомаха, вот зараза, учуяла всё-таки, – выругался он в сердцах и пошёл осторожнее, всматриваясь в кусты. «От этой обжоры всё можно ждать, может и напасть, защищая добычу», – думал он, осторожно продвигаясь вперед. Толян увидел росомаху на лабазе, терзающую замерзшие куски мяса. Охотника она почуяла давно, но не обратила на него никакого внимания, продолжая откусывать огромные куски. Увидев Толяна – зарычала, оскалив свои страшные клыки, она не хотела делиться добычей. Толян снял ружье, зарядил патрон с картечью, и, подойдя ближе, чтобы наверняка не промазать, нажал на курок... выстрела не было. Росомаха, услышав щелчок ружья, прыгнула сверху на Толяна и схватила ствол ружья клыками. Охотник не растерялся, снова быстро взвел курок и нажал на спуск. Грохнул выстрел – зверь отлетел назад к лиственницам и упал замертво с оскаленной пастью. Толян вытер с вспотевшего лба пот и сказал:

– Вот зараза, сколько мяса мне изгадила.

Росомахи метят свою добычу мочой, которая так воняет, что невозможно дышать. «Ладно, раскидаю, пусть у зверья будет праздник, если не побоятся запаха росомахи». С ней никто не хотел связываться, из-за её свирепости и ужасных клыков. Толян освежевал тушу зверя, шкура пригодится, за-

лез на лабаз и скинул остатки мяса на утоптаный росомахой снег, затем, надев лыжи, отправился домой. Вышел из леса в большую долину, по которой протекал ручей, зимой он был под снегом. Только по мелким кустам карликовой березки можно было понять о ручье, который там тѣк.

Снег был чисто-белым, не тронутым. Из-за макушки сопки показалось солнце. Оно выглянуло всего на несколько минут и обратно ушло за сопку до следующего дня, но этого хватило, чтобы осветить всю долину розовым светом. Толян остановился и с изумлением смотрел на эту красоту: розовым было всё – снег и сопки, даже куропатки, бегающие в кустах березняка, были не белыми, а розовыми. Он мог настроелять куропаток, эта глупая птица не улетала после выстрела, а просто взлетала и садилась опять, но Толян не стал этого делать, так заморозил его это чудо природы. «Пусть живут, сегодня они красивые». Солнце ушло за сопку. Толян двинулся дальше в сторону поселка. Он не жалел испорченного росомахой мяса, зато он добыл её шкуру и видел чудо – розовых куропаток.

Леший Серѣга выкинул из салона вертолѣта рюкзак, затем спрыгнул сам. Он прилетел на попутном рейсе из района на бывший прииск, где он когда-то со звеном рабочих проводил изыскания. Они били шурфы, то есть копали узкие колодцы до коренных пород, промывали вынутые пески и таким образом узнавали о содержании золота. Я не бу-

ду описывать, как это делается, это другая история. Серёга прилетал сюда уже не первый раз, он знал всё, что и где разведано, и мыл на одном ручье уже третий сезон. Пески были с хорошим содержанием золота – в прошлые два сезона он хорошо намыл и неплохо заработал, сдав намытое золото государству. Он был старателем одиночкой. Три года тому назад он ушёл из старательской артели, потому что им не заплатили, и решил стараться один. Где-то на материке у него была семья, которую он содержал, хотя с женой не жил. Она с детьми улетела на материк, как только закрыли прииск. Серёга же остался, решил попытаться старательского счастья, да так и не собрался улететь на материк к семье. Жил он зимой в районном посёлке с одной женщиной, работавшей в администрации района.

Спрыгнув с вертолёта, он поднял рюкзак и, повесив охотничий карабин на плечо, двинулся к своему ручью, до которого было километра три. В этом году он прилетел позднее – болел гриппом. Поднявшись на сопку, он увидел весь распадок, по которому тёк ручей, где было его жильё – брошенный геологами тепляк, с маленькой печкой внутри. Из трубы, торчавшей на крыше тепляка, шёл слабый дымок. – Да у меня гость, кто бы это мог быть, и что он там делает? – подумал вслух Серёга, – даже очень интересно. Серёга стал осторожно спускаться по склону сопки, прячась за густыми кустами стланика. Спустившись вниз, он снял рюкзак и положил его под куст, и зарядил карабин. «Кто его знает, кто

там и какие у него намеренья. Бережёного бог бережёт», – подумал он, осторожно открыв дверь, вошёл в тепляк. Внутри никого не было, на столе стоял чайник и кружка, которые он оставлял в тепляке, чтобы не таскать каждый раз. Потрогав тёплый чайник, Серёга вышел из тепляка и пошел к ручью, держа карабин на изготовку. У ручья у него была небольшая проходнушка и кое-какое оборудование старателя. К нему спиной, согнувшись над проходнушкой, стоял мужик и сгонял скребком галечник. Серега неслышно подошел сзади и ткнул стволом карабина мужику в зад: – Бог в помощь! Много намыл на чужом ручье и на чужой проходнушке? – сурово спросил он незваного гостя. Старатели ревностно относились к своим застолбленным местам и сурово наказывали самозванцев. Если возникал конфликт между хозяином и пришельцем, посягнувшим на чужое, то могли застрелить самозванца, и скинуть в старый шурф, затопленный талой водой, что иногда бывало. Кто там будет искать в тундре! Мужик от неожиданности присел и обернулся, он никак не ожидал встретиться с хозяином участка. У него тоже было ружьё, но оно висело на суку лиственницы, мужик тоскливо посмотрел на своё ружьё.

– Даже не думай – тронешься – пристрелю, а так, может, оставлю тебя жить, – предупредил захватчика Серёга. Ему показалось, что он где-то видел этого мужика. Мужик испуганно встал на колени и стал просить прощения:

– Прости меня, дурака, я не знал что участок твой, думал что брошенный, вот и решил попытать счастья, – зачистил он.

– Верю, что не знал что участок мой, но ты знал, что он не твой! Пристрелить бы и в шурф, тебя же искать-то никто не будет!.. Я тебя где-то видел, – сказал Серёга.

– Да, я тебя тоже помню. Серёгой зовут? Мы как-то в одной артели были, только в разных звеньях... кинули нас тогда, помнишь?

– Точно, ты сейчас с бородой и не стриженный, как леший! Как же тебя узнать? – уже миролюбиво сказал Серёга. – Ладно, пошли, попьем чая и подумаем, что тебе дальше-то делать.

Они зашли в тепляк, подогрели чайник, так как кружка была одна, чай пили по очереди.

– Может оставить тебя, вдвоём-то по сподручней будет, – сказал Серега, – как тебя звать-то?

– Славка. Зовут меня Станислав.

– Ишь ты, Станислав! А не жирно будет? Будешь у меня «Лешим», пока не острижешься и не побреешься, а там посмотрим.

– Леший так Леший, а что, мне нравится, – рассмеялся Славка, – а со мной, как скажешь, так и будет. Оставишь – буду работать! Я люблю работать, было бы за что.

– А вот за что – что намоем... мне больше на двадцать процентов, всё-таки участок мой, да и оборудование тоже.

Ну что, по рукам? – Серёга протянул руку. Леший ударил своей ладонью по руке Серёги. Он был рад, что всё так благополучно закончилось.

Серёга с Лешим промывали пески до самой осени, только иногда делали выходной: один шёл ловить рыбу, другой – на охоту, есть нужно было что-то, не одни макароны и кашу. Осенью, когда стало по ночам подмораживать, старатели сняли с ручья колоду, положили весь инструмент в тепляк и пошли на бывший прииск, где стояла большая старательская артель, в которой был госпредставитель. Сдав намытое за сезон золото, они честно поделили деньги и стали ждать вертолёт, который должен был прилететь в артель. В районном посёлке они простились. Серёга, пожав мозолистую ладонь Лешего, спросил:

– Ну что, до следующего сезона? Ты куда сейчас?

– В Магадан, там погуляю. Оторвусь по полной, а дальше видно будет. Бичевать буду до весны, потом к тебе, может, прилечу... посмотрим, как карта ляжет, – весело ответил Леший, – я надолго не загадываю.

Серёга, простившись, пошёл к своей сожительнице, которая была бесконечно рада его возвращению. Он честно перевёл часть денег бывшей жене – там у него было двое детей.

На следующий год, весной, Серёга выкинул свой рюкзак из салона вертолёта на землю, потом спрыгнул сам. Настал

новый сезон, он был старателем одиночкой. Лешего не было, позже, до Серёги дошел слух, что Лешего убили в пьяной драке в одном из притонов Магадана. Такая участь ждала многих старателей, искателей приключений на колымских и чукотских бывших приисках и в городе Магадане.

Два Шайтана

Шайтан сидел за столом в своём небольшом домике и пил чай. Шайтан – это был небольшого роста татарин, чёрный как головешка с редкими усами и весёлыми с хитринкой глазами. Как его звали по имени, уж никто и не помнил, за свою смуглость и хитрые глаза, все звали его Шайтан. Жил он в маленьком посёлке Ангарка, в самом крайнем домике с собакой, сибирской лайкой, по кличке, как и у хозяина – Шайтанка. Работал зимой в котельной. Летом особой работы не было, ловил рыбу, которую солил и вялил на зиму. Мимо окна прошёл сосед Толян и, не стучась, открыл дверь и вошёл в дом.

– Здорово, Шайтан, чай гоняешь, – не то спросил, не то утвердил он.

– Сам видишь. Садись, вместе чифирнём, – пригласил хозяин гостя.

Нет, спасибо, сам пей эту гадость, я нормального чая попил.

Толян за всё время, сколько жил на Севере, так и не смог привыкнуть к чифирю. Он всегда удивлялся, как пьют этот деготь, от которого его стошнило, когда он попробовал его впервые.

– Говорят, (кто мог сказать, если в посёлке кроме них двоих, никого больше не было), на завале рыбы много скопи-

лось, не ходил ещё? – спросил Толян хозяина дома.

– Кто сказал? Моя собака? – оскалился в улыбке Шайтан.

Толян молча проглотил это и подумал: «Правда, кто мне мог сказать?»

– Спасибо за весточку, надо сбегать посмотреть, правду ли тебе сказали. Да, Шайтанка? – опять ощерился хозяин, смотря своими хитрыми глазками на собаку. – Сам-то что не сходишь?

– Мне некуда деть. Ещё прежнюю не развесил вялиться. Развешу – схожу, может, ленка наловлю, закоптить надо, – ответил Толян.

– Дааа, закопченный ленок вкусная рыба, жирная, – поцокал языком Шайтан, – сходим сегодня. Да, Шайтанка? – собака весело запрыгала, преданно заглядывая в глаза хозяина. Она любила бегать по тайге, облаивать зверя. Шайтанку щенком подарили Шайтану мужики из района, прилетавшие на рыбалку. Они всегда останавливались у него. Сибирская лайка была предана своему хозяину.

– Умная у тебя собака, мне бы такую, – восхищенно сказал Толян.

– Очень умная, всё понимает, только что сказать не может, – с любовью потрепал собаку по холке. – Ладно, сосед, пойдем мы, пожалуй, поглядим, может что и поймает, – засобирался хозяин домика.

До завала было пару часов ходу. Шайтан с лайкой дошли до него по руслу ручья, который впадал в Большой Анюй,

чуть выше завала. Завал, это беспорядочно наваленные стволы деревьев, принесённые паводком. Завалы были не редкостью на излучинах северных рек, прибитые к берегу струями воды. Но этот завал перекрыл всё русло и вода с шумом проносилась под стволами, образуя за завалом большую и глубокую заводь, в которой должна была скопиться рыба. Деревья мешали ей подняться вверх по течению. Так думали Толян с Шайтаном. Шайтан осмотрел завал и решил ловить прямо со стволов завала. Выбрав удобное место, он закинул блесну, которая не успев коснуться воды, тут же натянула леску. Шайтан подтянул рыбину ближе к завалу и вытащил ленка. Он бился на крючке, но сорваться не мог.

– Ай, хорошая, иди ко мне, – с радостью приговаривал он, вынимая глубоко заглоченный крючок, – какой жадный, однако. Так, поймав несколько рыбин и повесив их на приготовленный кукан, Шайтан забросил блесну в очередной раз, на этот раз попалось что-то серьезное. «Зацепился, наверное», – в сердцах подумал он, но леска пошла в сторону завала. Шайтан пытался вытащить рыбину, но она не хотела идти из-под толстых стволов. Шайтан в азарте перепрыгнул на другой ствол, который внезапно пошёл вниз, его сразу перекрыли другие стволы, зажав ногу рыбака. Шайтан пытался высвободить ногу, но стволы все плотнее сжимали ее. У него мгновенно пронеслась мысль: «Если завал пойдет, то мне хана, из-под стволов не выбраться». Собака, почуяв неладное, заметалась по берегу. Она поняла своим собачьим умом, что

хозяин попал в беду. У Шайтана мелькнула мысль послать собаку в посёлок к Толяну, но как это сделать, как сказать? Шайтанка не бросит хозяина, она умрет вместе с ним. Он стал уговаривать собаку, показывать руками в сторону поселка, называть имя Толяна, просить, чтобы привела его сюда. Шайтан был прав, когда говорил Толяну, что его Шайтанка умная, только сказать не может. Она поняла, что требует от неё хозяин и развернувшись, бросилась в посёлок. Для собаки это не расстояние.

Толян развесил всю рыбу и сидел отдыхал. «Чайку что ли попить», только подумал он, как к нему подбежала Шайтанка,

– Что, уже наловили, что ли? Быстро вы управились, наверное, нет ничего... А где хозяин? – спросил он у собаки, которая лаяла и, отбегая вновь, возвращалась.

– Шайтанка, что случилось? Где хозяин? – потрепал он собаку. «Вроде как зовет меня за собой», – с беспокойством подумал он. Встав с чурки, Толян зашёл в дом, взял ружье и пошёл за собакой, которая побежала в сторону завала. Шайтанка скрывалась в лесу и возвращалась обратно, как бы просила Толяна потропиться.

– Да и так чуть не бегом иду, – успокаивал он собаку. Вот и завал, Толян сразу понял, в чём дело и, взяв в руки толстую палку, полез на завал к Шайтану. Лайка с визгом носилась по берегу, словно плача.

– Ну что, татарин, попался в капкан? Собаке при жизни

ставь памятник, иначе бы тебе хана, – сказал он Шайтану.

– Ты вот здесь, просунь палку и нажми, я ногу вытащу, уже не чувствует ничего, может, сломало что, – попросил Шайтан Толяна.

– Только бы завал не тронулся, а то обоим хана, – сказал Толян и осторожно стал давить просунутой палкой, как рычагом. Ствол немного подался, но недостаточно – нога не вынималась.

– Жми больше, у нас выхода всё равно нет, ещё чуть-чуть и вытащу.

Толян нажал со всей силы... Ствол отошёл, Шайтан вытащил ногу... Не успели они спрыгнуть – деревья зашевелились, и завал стал разваливаться. Потоки воды сделали своё дело: разобрав завал по бревну, понесли их до следующего водоворота, чтобы соорудить там очередной завал.

Шайтан сидел на земле, покрытой мхом, и целовал свою собаку, которая на радостях повизгивая, лизала ему лицо... у обоих текли слезы.

Полынья

Апрель подходил к концу. В небе ярко светило солнце. Бровки зимника потемнели от подтаявшего снега. Шайтан попил чая, ополоснул чашку, поставил её на полочку и вышел на улицу, где его встретил верный пёс Шайтанка.

– Ну что, Шайтанка, весна на дворе, солнышко греет, скоро ручьи потекут, – утвердительно проговорил хозяин собаке, которая весело прыгала вокруг него, стараясь лизнуть в лицо.

Шайтан сел на скамейку под окнами. Делать было нечего. На работу, дежурить в котельной маленькой электростанции, ему только в ночь. Посёлок Ангарка, где он жил, был немногочисленный во время зимника, а летом их, вообще, оставалось только двое. Остальные уезжали в районный посёлок. Домик, в котором жил Шайтан с собакой, стоял в самом конце единственной короткой улицы.

По зимнику, со стороны моста через речку Большой Анюй, прошли два налива и остановились возле гостиницы.

– Водители отдыхать будут, – сказал Шайтан собаке, которая смотрела на него своими умными глазами.

– Шайтанка, пойдем-ка сходим к круглой сопке, посмотрим, что там, в ямах делается. Может рыба зашевелилась, весну почуяла, – сказал он и поднялся со скамейки, взял

в руки пешню на длинной деревянной ручке. Собака весело запрыгала. Радостно повизгивая, она поняла, что они сейчас пойдут в тайгу. Круглая сопка была недалеко от посёлка, её круглая, как обрезанный пополам глобус макушка, виднелась из-за лиственниц. Там, у подножья, было несколько глубоких ям, которые не промерзали, куда на зимовку скатывалась из мелких ручьев рыба разных пород, в основном сиговых.

Шайтан сунул ноги в ремни широких лыж и неспеша пошёл в сторону сопки. Шайтанка носилась по кустарникам, поднимая стайки куропаток и облаивая белок, смотревших на собаку с высоты дерева своими бусинками глаз. У них на деревьях были гнезда. Шайтан изредка ходил зимой на охоту, но не за белкой, а за более крупной добычей – это были лось, олень или россомаха, белки его не интересовали. Вскоре он услышал лай собаки, который не уносился, а был из одного места. – Наверное Шайтанка зверя держит, сохатого или оленя, который лакомится макушками тальника, – вслух подумал Шайтан и скатился с пологого берега к густым кустам тальника. Собака яростно лаяла. Выйдя на открытое место, он увидел огромные рога и голову лося, торчащие из снега. Провалился... – Лось провалился в полынью. – Ах ты-ж, беда какая... погибнет, – запричитал татарин, путая от волнения русские и татарские слова. Лось, видимо хотел перейти речку на другой берег, где росли кусты тальника, но струя течения подмыла лёд, и он провалился. Ногами он

стоял на галечнике дна, наверху была только голова с рогами, и он ничего не мог сделать, чтобы вылезти из этого капкана. – Чичаза, я помогу тебе, – причитал Шайтан и стал долбить лед пешней. Собака притихла, она не могла понять, что хочет хозяин – она была охотником. Шайтан продолбил полынью, чтобы лось мог развернуться, впереди была глубина и толстый лед. Наконец сохатый развернулся и встал на задние ноги, передними ногами обломил кромку льда и так постепенно выбрался на лед. Отряхнувшись от воды, он пошёл к берегу и, прежде чем скрыться в кустах, оглянулся, посмотрел на человека, сидящего на снегу и собаку, лизавшую его лицо, затем скрылся. Шайтан сидел на снегу, волосы на голове были мокрыми от пота, шапка лежала рядом. – Ну вот, Шайтанка, мы доброе дело сделали, чью-то жизнь спасли, пусть и не людскую, но жизнь. Солнце ярко светило в небе, снег таял, стекая веселыми ручьями в Большой Анюй. Шайтан попив чая, вышел на улицу, где его ждала собака, которая весело прыгая, пыталась лизнуть хозяина в лицо. – Пора рыбу ловить, Шайтанка, в самый раз, – и посмотрел в сторону круглой сопки. _____ Пешня – маленький лом для создания прорубей с (обычно) деревянной ручкой.

Брусника со сгущенкой – Ну что, Шайтанка, сходим-ка мы с тобой сегодня на горелую сопку, пора на зиму брусники собирать. Отвар варить будем, не все же чай пить, – сказал Шайтан своей собаке, с которой не расставался. Собака

радостно запрыгала вокруг своего хозяина – она любила ходить в тайгу и гонять там живность. Шайтан каждую осень собирал бруснику. Зима длинная и всё какие-то витамины. Под ягоды у него была приспособлена жестяная банка из под яичного порошка. В ней было удобно носить ягоды, она была прямоугольной формы, приделав ремни, её можно носить за плечами. Положив в эту тару кусок отварного мяса и кусок лепешки, завернутые газету, закинув за плечи, они отправились в путь.

До горелой сопки было недалеко, километра три, но идти нужно по тундре, а по ней быстро не пойдешь – мох и ягель пружинили. Шайтан шёл не торопясь, срывая на ходу спелые ягоды голубики, и бросал её в рот. У голубики был нежный, сочный вкус и сколько её ни ешь, сытым не будешь. Шайтанка бегала по всей округе, гоняя перепуганных на смерть евражек, которые тут же прятались в свои глубокие норки и не вылезали оттуда, пока не утихнет собачий лай. Вот и подножие горелой сопки. Почему сопка называлась горелой, Шайтан не знал, видимо, когда-то тут горел лес и стланик, что бывает даже в чукотской тайге и тундре, но это было так давно, что природа всё восстановила. До половины сопки были мох и ягель с редкими деревьями лиственницы. Выше пошли кусты вечнозелёного кедрового стланика, росшего на щебёнке. Стали попадаться полянки брусники, ягода была красной и крупной, и немного. – Пока пустые... залезем на самую макушку, оттуда будем потихоньку спускаться.

ся и набирать ягод, – сказал Шайтан собаке, которая, видно, устала бегать и далеко не отходила от хозяина. Взобрались на самую макушку, на которой рос кедровый стланик. Между кустами было полно крупных ягод брусники, голубика так высоко не росла. – Давай перекусим, чтобы не носить с собой, а потом уж начнем собирать ягоду, – сказав это собаке, он снял банку, сел и достал свёрток со снедью. С макушки сопки открылась панорама долины, там, далеко, было видно как паслось стадо оленей.

– Вот и пастухи оленей своих пригнали с побережья... сейчас тут хорошо, ягеля много и гнуса нет. Олень жир набирать будет, – говорил он собаке, которая лежала рядом с ним и смотрела своими умными глазами. Она ждала, когда хозяин даст ей косточку. Шайтан поделил мясо на две равные части и одну дал собаке. Шайтанка взяла мясо аккуратно, не хватая, она всегда брала так, какая бы голодная ни была и не спеша, отрывая куски, глотала. Так же Шайтан поделил лепешку, от которой собака тоже не отказалась.

– Ну что, за работу? За пару часов наберем, вон её сколько, только бери.

Собака радостно завиляла хвостом, она не понимала, что нужно делать.

– Да ладно, лежи, уж собирать я буду, – успокоил он собаку и стал собирать ягоды. Брусника росла гроздьями по три-четыре ягоды и у Шайтана быстро начала заполняться банка. Наполнив до краев свою импровизированную посудину, он

закинул её за плечи.

– Ну что? Быстро мы с тобой вдвоем-то управились, уходить не хочется, вон её сколько, сплошной ковёр, листьев не видно, – не то с сожалением, не то с удовлетворением сказал он и направился домой.

Придя домой, Шайтан достал банку сгущенки, насыпал брусники в металлическую чашку, какие дают в вагонах ресторанах, залил её сгущенкой и начал есть. Вкус, как казалось ему, необыкновенный: сладкое с кислым давало такое сочетание вкуса, что это просто ни с чем не сравнимо. Ягоды лопались под зубами, смешиваясь со сгущенкой. Шайтан медленно всё это разжевывал и с удовольствием глотал, зажмурив глаза, не то от кислого, не то от удовольствия. Наевшись брусники со сгущенкой, он вытер рот ладонью и вышел на улицу.

– Здорово, Шайтан! За брусникой ходил? – это подошел сосед и напарник по работе Толян.

– Ходили, вон с Шайтанкой... принесли... час только ел со сгущенкой, вкуснооо...

– Как, есть нынче брусника? – спросил он у Шайтана, хотя знал, что брусники полно каждый год, только места надо менять.

– Да полно, мы на горелую ходили. Сходи туда, недалеко и не тяни, а то приисковые налетят на вертолете, только и увидишь, после них два года можно не заглядывать, всё

исползают и сомнут.

– Это верно, как саранча налетают. У брусники корневая слабая, долго восстанавливается, – с грустью сказал Толян.

– На рыбалку надо будет идти, рыба скатывается из ручьёв, только лови. Надо же на зиму рыбки наловить, завтра схожу посмотрю в устье Баимки, – сказал Шайтан и широко зевнул, – спать надо, устал я сегодня, – он встал и, попрощавшись с соседом, зашёл в дом. Шайтанка, покрутившись, тоже легла под дверь, её дело спать вполглаза и сторожить дом с хозяином.

Рыболовы

Утром Шайтан, как и обещал соседу, прихватил сеть с крупной ячеей и пошёл в устье ручья Баимка. Шайтанка привычно носилась между деревьев, распугивая лесную мелочь. Через пару часов, не спеша, Шайтан пришёл на место. Здесь ручей был приличным и рядом с устьем, между перекатами, образовалась хорошая заводь.

– Вот тут на перекате мы и поставим перегородку из сети и через пару дней черпанём рыбы на всю зиму, – сказал он собаке. Срубив несколько тонких лиственниц, заострив концы, Шайтан забил их в дно переката от берега до берега и навесил на колья принесённую сеть.

– Ну вот и готово! Мелкая рыбёшка будет проскакивать через крупную ячею, а та, что нам нужна, будет ждть нас у сетки, – удовлетворенно сказал он Шайтанке, которая весело завилыла своим свитым в кольцо хвостом. Вечером, придя домой, Шайтан зашёл к Толяну, который только что пришёл с горелой сопки и ел бруснику со сгущенкой.

– Ну что, вкусная ягодка? – спросил он у Толяна. – Угу, – мотнул головой сосед

– Я перегородил ручей. Посмотрим через пару дней, что там будет, бреднем протянем по заводу.

– Да будет там рыба! Каждый год бывает. Куда она денется? Мелочь вся уйдет, да и мы не всю выловим, – ответил

Толян.

– Это правда, без рыбы не оставались.

В это время года по ночам были уже заморозки и рыбаки не боялись, что рыба испортится.

Через два дня Шайтан с соседом, прихватив бредень, пошли ловить рыбу перед загородкой. Шайтанка убежала вперёд, по пути облаивая белок. Они с интересом разглядывали собаку, совсем её не пугаясь – они были для неё недосягаемы.

Лай доносился все глуше и глуше, затем донесся какой-то другой – не весёлый, как облаивала мелочь, а яростный.

– На кого это она так лает, наверное, на оленя или лося? – спросил Толян.

– Не похоже... с каким-то остервенением лает, зверь страшней будет, – обеспокоенно ответил Шайтан и прибавил шагу. Лай доносился все громче и громче. Шайтанка уже не лаяла, а злобно хрипела. Раздвинув кусты тальника, рыбаки увидели медведя, который не обращая на рычание собаки, вылавливал рыбину и тут же её съедал, затем всё повторялось. Собака уже охрипла от такой наглости медведя, но сделать ничего не могла – он был в воде.

– Вот и рыболов пришёл из леса... ему бы уже ложиться в берлогу надо! Вон какой упитанный, а он всё гуляет и нашу рыбу ловит, – усмехнулся Шайтан, снимая с плеча ружьё.

– Что делать-то будем? Без рыбы уйдём, его же не выгонишь сейчас, пока не насытится, – сказал Толян.

– Час мы его пугнём, сам убежит, – тихо проговорил Шайтан, заряжая ружье мелкой дробью.

– Ты что, Шайтан, совсем сбрендил? Если ранишь его, да он нас порвет вместе с собакой, – испуганно зашипел Толян.

– Не бойсь... я только попугаю, дробь мелкая. Что ему сделается? – Шайтан вскинул ружьё и прицелился в медвежий зад. Раздался оглушительный выстрел. Медведь, вскинув зад, кинулся с перепугу в кусты. Шайтанка кинулась вслед, хватая клыками за медвежий зад. Шайтан быстро перезарядил ружье и выстрелил еще раз, только в воздух.

– Всё, можно ловить рыбу, не всю же он сожрал, поди и нам оставил, вон как перепугался, весь галечник изгадил с перепугу, – рассмеялся Шайтан, показывая на жидкое медвежье дерьмо. – Трус, однако.

Шайтанка, налаявшись до хрипоты, вернулась. Рыбаки протянули бредень по заводи и вытащили на галечную косу. Рыбы, а это был в основном хариус, вытащили как раз на два рюкзак.

– На сегодня хватит. Больше не унести, тяжелая, завтра принесем надувную лодку и всё, что поймаем, сплавим на ней, до самого дома, – сказал Шайтан.

– Если опять рыболов не объявится, – рассмеялся Толян.

Медведь больше не пришёл, он сейчас будет бояться человека, который больно бьет по заду. Рыбы наловили сколько надо на зиму и, сняв загородку, сплавились до самого до-

ма. Они жили на берегу Большого Анюя, куда впадают все ручьи – большие и малые.

На воде следов нет

Гоша Глинский работал на прииске с самого открытия и до последнего дня. Прииск в одночасье закрыли, так как власть в стране изменилась. Все стали каждый по себе, каждый сам себе хозяин. Были брошены полигоны, где промывалось золото. Технику получше разобрали предприимчивые старатели, также и полигоны с хорошим содержанием золота. Многие в стране не знали что делать, потому что ещё никто не знал, что такое капитализм и как при нем жить. Семью – жену с сынишкой, Гоша отправил на материк: там у них была кооперативная квартира. Сам же решил попытаться счастья здесь. Знал Гоша один небольшой полигон, недалеко от посёлка Ангарка, который был уже вскрыт от торфов и, видимо, брошен. Старательские артели не позарились на него из-за неперспективности, потому что был он совсем небольшой и плохо разведан. Было там золото или нет, никто точно сказать не мог. Он знал, что там стоит брошенный бульдозер. Его старатели тоже побрезговали взять, потому что старенький – запчастей не напасёшься. В то время было много импортной техники по бросовым ценам. Её распродавали бывшие директора приисков, не делясь деньгами ни с кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.